

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

© 2003 г. А. В. Юревич

Доктор психол. наук, директор Центра науковедения Института истории естествознания и техники РАН

Предпринимается попытка описать стандартную структуру психологических теорий. Вычленяются три основных элемента этой структуры: а) центр, б) периферия, в) неявная область. Центральным компонентом теории рассматривается как образованный характерным для нее общим образом психологической реальности, центральной категорией, соответствующим феноменом, набором основных понятий, системой отношений между ними (“сеткой отношений”) и базовыми утверждениями. Периферическая область теории делится на собственно теоретическую, включающую вспомогательные утверждения теории и систему их аргументации, и эмпирическую, образованную подкрепляющим теорию эмпирическим или обыденным опытом. Неявная область теории описывается как охватывающая неформализуемое личностное и групповое знания, личностные и коллективные эмоции и образцы поведения.

Ключевые слова: структура, теории, центр, периферия, неявная область, личностное и групповое знание, “своя” и “чужая” эмпирия.

Вычленение стандартной структуры психологических теорий, как и всех прочих концепций в гуманитарных¹ науках, осложняется типовой формой их изложения. Если естественнонаучные теории излагаются четко и компактно, а выражаются, например, посредством математических формул, то гуманитарные предстают в виде многотомных произведений, в которых собственно теорию нелегко вычленить из сопутствующих ее изложению суждений и размышлений. Однако даже в таком нормативно аморфном контексте стандартная структура психологических теорий прорисовывается вполне различимо. Ее наиболее отчетливо проступающие элементы – *центр* и *периферия*, т. е. некоторые базовые идеи и утверждения, образующие ядро теории, и вспомогательные по отношению к ним опыт и когнитивные конструкции.

Следует отметить, что наличие центра и периферии свойственно и естественнонаучным теориям, вследствие чего подобное строение можно считать свойством научных теорий вообще, а все существующие в философской методологии науки представления об их структуре так или иначе отдают должное центр-периферийным отношениям. И. Лакатос, например, выделяет “жесткое ядро” и “защитный пояс” [28], В.С. Степин – “фундаментальную теоретическую схему” и

“вспомогательные теоретические схемы” [11], и в подобных дифференциациях отчетливо проступает центр-периферийная иерархия. Такие представления о структуре научных теорий, выработанные на материале естественнонаучных, преимущественно физических теорий, в какой-то мере распространяемы и на гуманитарные науки. Но если иерархическое построение в виде центра и подчиненной ему периферии характерно как для естественнонаучных, так и для гуманитарных теорий, то их наполнение и конкретный характер взаимоотношений между этими элементами достаточно специфичны для разных видов наук.

1. ЦЕНТР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

К центральным компонентам психологических теорий можно отнести: а) общий образ психологической реальности; б) центральную категорию; в) соответствующий феномен; г) набор основных понятий; д) систему отношений между ними, которую, пользуясь терминологией В.С. Степина, можно назвать “сеткой отношений” [11]; е) базовые утверждения.

Общий образ психической реальности обычно задается сквозь призму центральной категории теории (психика – это деятельность, отношение, трансформация образов, поведение, бессознательное и т. п.), которая “снята” с соответствующего феномена. Данная сквозная связь очень рельефно представлена, например, в теории деятельности, где она приобретает почти тавтологический характер: центральный феномен этой теории – особым образом понятая деятельность, центральная

¹ Автор исходит из наиболее простой систематизации наук и, соответственно, научных теорий – их деления на естественные и гуманитарные, отдавая себе отчет и в чрезмерной упрощенности этой систематизации, и в претензиях психологии на промежуточное положение между естественными и гуманитарными дисциплинами.

категория – естественно, тоже деятельность, и она же задает образ психики как деятельности. Но и в тех случаях, когда, скажем, центральная категория теории и ее центральный феномен не совпадают друг с другом, три выделенных компонента тесно взаимосвязаны. Так, ключевой категорией когнитивизма является образ, бихевиоризма – действие, психоанализа – мотив [17], в то время как их центральными феноменами можно считать, соответственно, мышление, поведение и бессознательное. Однако ключевая категория задает видение центрального феномена (например, мышления как трансформации образа) и общую трактовку психологической реальности. Это влияние реализуется и в обратном направлении – от общего представления о психике к вычленению центральной категории, да и вообще в данном случае нельзя обозначить какие-либо однонаправленные векторы. В то же время иногда последовательность формирования трех описанных компонентов теории прослеживается достаточно четко, как, например, в случае теории каузальной атрибуции, в процессе построения которой сначала был вычленен соответствующий феномен – причинная интерпретация поведения, затем ему было дано имя – каузальная атрибуция, а впоследствии вся социально-психологическая реальность была представлена в виде вариантов атрибуции [19].

Отношения между образом реальности, центральной категорией и центральным феноменом теории органичны, но не безоблачны, и подчас их параллельная эволюция может порождать внутренне противоречивые конструкции. Достаточно типовой траекторией развития психологических теорий является поэтапное: а) осознание важности некоторого психологического феномена; б) формирование соответствующей категории; в) оформление видения всей психологической реальности сквозь призму этой категории – своего рода “растягивание” данной категории на всю психологическую реальность; г) утрата категорией в процессе ее “растягивания” первоначально строгой, да и вообще какой-либо предметной отнесенности, размывание связи с соответствующим феноменом.

Подобную эволюцию психологических теорий описал еще Л. С. Выготский, объяснив ее так: “путь этот предопределен объективной потребностью в объяснительном принципе, и именно потому, что такой принцип нужен и его нет, отдельные части принципа занимают его место” [3, с. 309]. Осознание Выготским порочности такого пути не уберегло теорию деятельности от его повторения: довольно-таки искусственно “растянутая” на всю психологическую реальность, она явно утратила и свой начальный объяснительный потенциал, и сколь-либо строгую предметную отнесенность, – ведь, по словам того же Выготско-

го, когда “объем понятия растет и стремится к бесконечности, по известному логическому закону содержание его столь же стремительно падает до нуля” (там же, с. 308). Э. Г. Юдин, например, убедительно продемонстрировал расхождение в этой теории деятельности как феномена и как объяснительного принципа, а также явную несостоятельность попыток втиснуть в него всю психологическую реальность [12]. Деятельность как объяснительный принцип, формирующий образ всей психологической реальности, оказалась совершенно не той, которая существует в виде психологических феноменов, а дополненная Г.П. Щедровицким и др. представлениями о бес- субъектной деятельности предстала чем-то совсем абстрактным.

Наборы основных понятий различных психологических теорий – их категориальные тезаурусы – в значительной мере пересекаются, что естественно, поскольку эти концепции, при всех их различиях и форсированной дистанцированности друг от друга, все же принадлежат к одной дисциплине и оперируют схожими терминами. Так, основные понятия теории деятельности “действие”, “операция”, “личность”, “сознание”, “мотив”, “потребность” и т. д. присутствуют и в категориальном аппарате других теорий: действие и потребность занимают видное место в понятийном аппарате бихевиоризма, операция – когнитивизма, сознание и мотив – психоанализа, личность – теорий гуманистической психологии. Очевидны и значительные пересечения понятийных аппаратов этих теорий, в особенности наиболее близких, относящихся к одной, например гуманистической, парадигме. Однако, хотя понятийные аппараты различных психологических концепций всегда пересекаются, они *никогда полностью не совпадают друг с другом*, и именно поэтому набор основных понятий можно считать специфическим признаком каждой конкретной теории.

Основные понятия теории всегда подчинены ее центральной категории, и эта подчиненность выражена достаточно отчетливо², имея разнообразные проявления – от частоты употребления соответствующих терминов до определения ключевых категорий на основе центральной. Гораздо

² Настолько отчетливо, что может быть принята за тождественность, слияние соответствующих понятий. Так, например, А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский пишут: «То, что на категориальном языке обозначается как образ, в различных психологических концепциях выступает под именами: “ощущение”, “восприятие”, “значение”, “представление”, “идеи”, “информация” и др. То, что в категориальном плане трактуется как “мотивация”, охватывает феномены, которые выражаются через понятия “стремление”, “влечение”, “волевой импульс”, “потребность”, “инстинкт”, “аффект” и др.» [8, с. 134–135]. В первом случае центральная категория соответствующих теорий – естественно, “образ”, во втором, – “мотивация” (“мотив”), а все прочие – основные понятия, подчиненные центральным категориям.

труднее прочертить границу тезауруса основных понятий на его другом – “нижнем” – полюсе, вычленив их из множества всех прочих терминов, которыми оперируют сторонники теории. Возможно, критериями для решения этой непростой задачи могут служить, во-первых, частота употребления соответствующих терминов (о которой можно судить как интуитивно, так и на основе строгих процедур контент-анализа), во-вторых, включенность понятий в базовые утверждения теории.³ Вместе с тем следует признать, что если центральная категория теории всегда заметно возвышается над ее основными понятиями и, как правило, *выносится в ее название* (теория деятельности, теория установки, теория каузальной атрибуции и др.), то эти понятия не имеют четкой границы с другими терминами данной науки, а иногда и смежных с нею дисциплин, в результате чего построить полный категориальный тезаурус той или иной концепции, как правило, не удастся.

Зато всегда можно выделить “верхнюю” часть их понятийного тезауруса, непосредственно примыкающего к центральной категории. Да и вообще основные понятия теории в большинстве случаев не только подчинены ее центральной категории, но и сами организованы в иерархическую структуру, которая, правда, в большинстве случаев выглядит очень нестройной. Наиболее часто эта структура выстраивается путем вычленения некоторой наиболее важной части равноправных понятий и подчинения им всех остальных. Иногда, но реже, понятия, входящие в эту наиболее важную часть, тоже находятся в иерархических отношениях, например, путем их определения друг через друга, примером которого может служить, скажем, определение мотива как предмета потребности, что делает категорию мотива вторичной по отношению к категориям предмета и потребности.

Подобные иерархические связи сливаются в “сетку отношений” между основными понятиями. Следует отметить, что далеко не всегда отношения между понятиями фиксируются в четких или вообще каких-либо определениях. Часто они вообще не эксплицируются, однако имплицитно присутствуют и могут быть выявлены с помощью специальной методологической рефлексии⁴.

Базовые утверждения теорий в гуманитарных науках вычленимы тоже не без труда, в чем со-

стоит одно из их главных отличий от естественно-научных теорий. Впрочем, в данном плане гуманитарные теории можно разделить на два типа: к одному принадлежат теории традиционного – аморфного – вида, которые очень трудно свести к ограниченному набору строгих утверждений, в результате чего они даже их адептами часто понимаются по-разному, к другому – более современные концепции, авторы которых стремятся формулировать их в виде ограниченного набора четких постулатов. Пример теорий первого типа – все та же теория деятельности, образцы концепций второго типа – сформулированные в американской психологии с американской же конкретностью теория каузальной атрибуции [19] и теория справедливости (см.: [13]). Причем в основе последней лежит понятие справедливого обмена, выраженное математической формулой:

$$\frac{O_1}{I_1} = \frac{O_2}{I_2},$$

где O_1 и O_2 – результаты, достигаемые участниками взаимодействия, I_1 и I_2 – их вклады (соответственно, в качестве справедливого трактуется взаимодействие, результаты участников которого пропорциональны их вкладам).

Но все же значительно чаще психологические теории формулируются в аморфном виде, в результате чего их базовые утверждения трактуются неоднозначно. В тех же случаях, когда данные утверждения формулируются четко и однозначно, они обычно звучат как весьма тривиальные констатации, подобно одному из базовых постулатов теории справедливости: люди всегда стремятся к максимизации своих выигрышей [13]. Кажущаяся тривиальность подобных утверждений навлекает на них критику за то, что они лишь обобщают обыденный опыт, а не выражают научное знание, а это подрывает и репутацию соответствующих теорий в качестве собственно научных.⁵ На самом же деле базовые утверждения психологических теорий выполняют очень важную и вполне научную роль, точнее, набор ролей: они развивают и систематизируют образ психической реальности, заданный центральной категорией, генерализуют содержащийся в ней объяснительный импульс и т. д.

2. ПЕРИФЕРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ ТЕОРИЙ

Периферическую область психологических теорий можно разделить на два компонента: собственно теоретический и эмпирический. Теоретическая “периферия” включает вспомогательные утверждения теории и систему их аргумента-

³ К перечисленным критериям можно добавить и то, что основные понятия теорий, в отличие от большинства других терминов, авторы этих теорий обычно определяют. Таким образом, наличие определений тоже может служить индикатором основных понятий.

⁴ Наиболее обстоятельный результат подобной рефлексии – попытка построить некую “тотальную сетку” психологических категорий, предпринятая в книге А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского [8].

⁵ Критику этой точки зрения см. в [16].

ции, эмпирическая – подкрепляющий теорию эмпирический или обыденный опыт.

Вспомогательные утверждения теорий в гуманитарных науках соотносимы с тем, что В.С. Степин, говоря о точных науках, называет “частными теоретическими схемами”, отмечая, что “последние конкретизируют фундаментальную теоретическую схему применительно к ситуациям различных задач и обеспечивают переход от анализа общих характеристик исследуемой реальности и ее фундаментальных законов к рассмотрению отдельных конкретных типов взаимодействия, в которых в специфической форме проявляются указанные законы” [11, с. 126]. Однако специфика гуманитарных дисциплин побуждает к существенной корректировке данного понятия, о необходимости которой пишет тот же автор: “разумеется, применение уже развитых методологических схем в новой области предполагает их корректировку, а часто достаточно радикальное изменение соответственно специфике той или иной научной дисциплины” (там же, с. 305).

Вспомогательные утверждения теорий в гуманитарных науках отличаются от частных теоретических схем точных наук прежде всего своей аморфностью и недостаточной упорядоченностью, что, во-первых, не позволяет говорить об этом мало упорядоченном множестве общих утверждений как о четких *схемах* (а, стало быть, диктуют необходимость корректировки соответствующего понятия), а во-вторых, делает их вычленение еще более сложным, чем вычленение базовых утверждений. Кроме того, в гуманитарных дисциплинах вспомогательные утверждения теорий связаны с их базовыми утверждениями отношениями не столько логической, сколько *терминологической дедуктивности*, объединены в основном терминами, а не содержанием. В типовом случае они охватывают всю совокупность утверждений общетеоретического характера, которые автор теории (индивидуальный или коллективный) формулирует в процессе ее построения. В то же время некоторые из таких утверждений могут постепенно, путем накопления их повторений, отливаться в достаточно стабильную и монолитную часть теории. Например, одно из излюбленных утверждений советских социальных психологов о том, что все социально-психологические процессы существуют и эволюционируют только в контексте совместной деятельности, можно причислить к базовым утверждениям теории деятельности, выросшим из вспомогательного утверждения [5].

Эмпирический компонент периферии гуманитарных теорий сопоставим с тем эмпирическим опытом, на который опираются естественнонаучные теории (и который прочно ассоциируется с ними, как, например, эксперимент Майкельсона-

Морли с теорией относительности)⁶. Однако эмпирическая периферия гуманитарных концепций куда более широка, отношения с ней их ядерной – центральной – части более сложны и разноплановы, а все разнообразие психологической эмпирии с позиций каждой конкретной теории делится на две части – на – “свою” и – “чужую” эмпирию.

Каждая из этих частей эмпирической периферии, в свою очередь, тоже делится надвое. “Своя” эмпирия включает, во-первых, тот эмпирический опыт, на который опираются базовые и вспомогательные утверждения теории, т. е. своего рода “опорную” эмпирию, во-вторых, результаты эмпирических исследований, выполненных на основе данной теории, и выявленные в этих исследованиях феномены, т.е. эмпирию “надстроечную”. Вторая часть “своей” эмпирии по объему существенно превосходит первую, поскольку практически каждая психологическая теория порождает целое направление эмпирических исследований, которое подчас разрастается настолько, что теория “не поспевает” за ним, т. е. оказывается неспособной обобщить полученные данные.⁷ Эта часть “своей” эмпирии, конечно, может использоваться (и используется) для выполнения той функции, которую выполняет первая часть – подтверждения теории, для чего, естественно, имеются все предпосылки, поскольку результаты эмпирических исследований, направленных на подтверждение теории, обычно интерпретируются на ее же основе, – хорошо известная и в естественных науках ситуация теоретико-эмпирического “круга”. Но все же их основная функция другая – экспансия теории, ее распространение на все более широкую область эмпирических феноменов, что в гуманитарном сообществе эквивалентно укреплению позиций теории и рассматривается как аналог ее развития. А как только экспансия теории заканчивается, начинается ее стагнация, вскоре переходящая в деградацию, выражающуюся в значительном уменьшении количества сторонников, выполненных на ее основе эмпирических исследований, и т. д. То есть когда теория не растет, подпитываясь все новым эмпирическим опытом, она постепенно если и не умирает, то становится “живым трупом”, который считается таковым вследствие чисто социальных обстоятельств (например, нежелания сторонников тео-

⁶ А. Эйнштейн не раз признавался, что, когда разрабатывал теорию относительности, с этим экспериментом не был знаком. Тем не менее она считается “выведенным” из него, ведь, согласно позитивистским мифам о науке, любая теория должна быть из чего-нибудь “выведенной”.

⁷ Яркий пример – упоминавшаяся выше теория каузальной атрибуции. Когда к концу 70-х гг. каузальная атрибуция, наряду с группами и аттитюдами, превратилась в одну из трех наиболее интенсивно разрабатываемых областей социально-психологической проблематики, эта теория оказалась неспособной обобщить и осмыслить то множество новых фактов, которые были обнаружены в ее же русле [2].

рии признать исчерпанность ее когнитивных ресурсов). Но если она, напротив, “съедает” слишком много, утрачивая свои первоначальные объяснительный потенциал и предметную отнесенность, ее ожидает та же участь.

К “чужой” для теории эмпирии относятся феномены и результаты эмпирических исследований, выявленные и полученные на основе других концепций. Она может быть разделена на релевантную и иррелевантную эмпирию.

Релевантная эмпирия – это результаты эмпирических исследований, полученные в рамках других концепций, но “задевающие” данную теорию, находящиеся в области ее “жизненных интересов”. Наиболее радикальный, хотя и редкий в жизни случай формирования такой эмпирии – получение в русле других концепций эмпирических результатов, которые могут поколебать позиции данной теории, противореча ее базовым утверждениям. Ни активно развивающаяся теория, находящаяся в стадии своего рода теоретической “пассионарности”, ни стагнирующая и поэтому вынужденная постоянно защищаться от “пассионирующих” теорий, не может такие результаты проигнорировать, особенно если ее соперница их постоянно акцентирует. Их надо либо “отбить”, либо ассимилировать, переинтерпретировав выгодным для себя образом. Типовые приемы для этого в общем те же, что и в естественных науках (см. [14]), хотя и с большим удельным весом чисто социальных и идеологических инструментов.

Но все же чаще эмпирически установленные факты попадают в сферу релевантной для теории эмпирии не потому, что они опасны⁸, а потому, что *интересны* для нее, представляя собой эмпирический материал, который потенциально может быть использован для экспансии и укрепления ее позиций. “Чужая” эмпирия активно ассимилируется теорией и в тех случаях, когда ей не хватает “своей” собственной эмпирии, например, в условиях, при которых национальная наука по тем ли иным причинам развивается преимущественно в теоретическом, а не эмпирическом русле. Скажем, советские психологические теории на первом этапе своего развития, когда собственной эмпирии им явно не хватало, активно использовали факты и феномены, выявленные зарубежными психологами в рамках концепций бихевиоризма, когнитивизма и психоанализа. То есть, как правило, теория переинтерпретирует и ассимилирует “чужую” эмпирию не в защитных целях, а

ради удовлетворения постоянной потребности в эмпирической подпитке.

Случаются и ситуации, когда теория не просто подпитывается “чужой” эмпирией, а исходит из нее, вырастая из ее переинтерпретации. Например, концепция Д. Бема, утверждающая, что установки “выводятся” нами из наблюдения за своим поведением, а также дополняющая ее очень популярная парадигма “ложной обратной связи”⁹, возникли в результате переинтерпретации Бемом – бихевиористом по происхождению – результатов когнитивистской теории когнитивного диссонанса (21)¹⁰. Далее эта теория породила “свою” (и очень обильную) эмпирию, но ассимиляция “чужой” эмпирии прочно запечатлелась в ее родословной.

Иррелевантная для теории “чужая” эмпирия – это эмпирические данные и феномены, выявленные в русле других концепций и не входящие в зону ее “жизненных интересов”. Иррелевантность основной части “чужой” эмпирии служит оборотной стороной наличия у каждой теории “своей” эмпирии. Последняя порождена данной теорией, получена в результате исследования важных именно для нее проблем, описана в ее категориях, проинтерпретирована на ее основе и часто вообще не имеет смысла вне ее рамок. Соответственно для других теорий она иррелевантна, т. е. не вписывается в их смысловое поле, неинтересна, незначима и вообще как бы не существует для них.

Подобная ситуация встречается и в естественных науках – при сосуществовании несоизмеримых парадигм, но все же она характерна прежде всего для наук гуманитарных, являясь результатом их разобщенности на “государства в государстве”, каждое из которых живет по собственным законам, включая правила получения, интерпретации и верификации эмпирических данных [16]. Иногда, правда, игнорирование “чужой” феноменологии происходит не из ее иррелевантности, а, напротив, из высокой релевантности и нежелательности, т. е. из *отрицательной релевантности*. Так, оппоненты Галилея попросту отказывались смотреть в изобретенный им телескоп, а Б.Ф. Скиннер с гордостью признавался в том, что

⁹ Ее суть в том, что человеку сообщают ложную информацию о его поведенческих и физиологических реакциях, которая существенно влияет на его эмоциональные состояния. Так, мужчины в качестве наиболее привлекательных оценивают фотографии тех женщин, предъявлению которых сопутствует фиктивная информация о более интенсивных сердечных сокращениях [20].

¹⁰ Например, данных о том, что за меньшую плату люди иногда работают лучше, чем за большую (которые, естественно, не должны наводить на крупномасштабные социально-экономические обобщения). Д. Бем объяснил эти данные так: работая за малую плату, мы осознанно или неосознанно задаем себе вопрос: “а почему же мы все-таки работаем?” и отвечаем на него: “наверное, потому, что эта работа нам нравится”. Это усиливает мотивацию, а мы выводим наши установки из интерпретации своего поведения [21].

⁸ Как хорошо известно в философской методологии науки, факты ни “убить” теорию, ни серьезно повредить ей не могут. И вполне уместна такая аналогия: “научное исследование напоминает любовную интригу... отвержение однажды принятой теории напоминает отвержение любимой девушки, – оно требует большего, чем негативная информация о ней” [18, p. 128].

не читает журналы, публикующие неудобные для бихевиористов данные. Однако в гуманитарных науках иррелевантность “чужой” эмпирии значительно чаще не имеет под собой скрытой отрицательной релевантности, а означает ее существование в совершенно ином смысловом поле – как разговор на незнакомом языке, который обычно воспринимается нами как шум.

3. НЕЯВНАЯ ОБЛАСТЬ

Структуру психологических теорий можно было бы исчерпать центром и периферией, которые включают описанные компоненты и ими исчерпываются, если бы в методологической рефлексии науки не существовало традиции, заложенной работами М. Полани и др. [9]. Но подобно тому, как в структуре формализованного знания всегда имплицитно присутствует некое неформализуемое, неявное знание,¹¹ любая научная теория, в особенности гуманитарная, тоже всегда включает некоторый неявный компонент. Этот компонент можно условно назвать неявной областью теории, имея в виду, что он эксплицируется лишь путем специально организованной рефлексии, а в официальной жизни теории практически всегда остается за кадром.

Описанное М. Полани личностное знание нередко трактуется таким образом, будто оно играет важную роль в *процессе* построения научных теорий, но утрачивает ее, когда данный процесс заканчивается, оставаясь вне готовых форм научного знания, таких, как теории. Если бы это было верно, то научные концепции во всех случаях представляли бы собой четко очерченные, полностью формализованные и однозначно воспринимаемые когнитивные конструкции. Однако в действительности едва ли найдутся хотя бы два человека, которые абсолютно одинаково понимали бы, скажем, теорию деятельности¹², и именно в расхождении способов ее понимания (и развития) коренится основная причина противостояния двух школ – последователей А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна – в отечественной психологии. Любая теория, особенно гуманитарная, включает в себя множество неявных смыслов и имплицитных утверждений, понимание которых всегда индивидуально и осуществляется на уровне личностного знания, что и порождает главную причину расхождения смысловых полей при восприятии теорий.

Личностное знание не только играет важнейшую роль в *процессе* построения научных теорий,

но и составляет существенную часть *самых теорий*, а также образует неизбежный фон их восприятия. Вместе с тем неявная область научных теорий заполнена не только этим знанием. Вот, например, как их характеризует Р. Герох, внесший признанный вклад в развитие теории относительности: “с моей точки зрения, теории состоят из неисчислимого количества идей, аргументов, предчувствий, неопределенных ощущений, ценностных суждений, и так далее, объединенных в своеобразный лабиринт. Именно это скопление называется “теорией” [27, р. 183]. В данной характеристике не только оттенена роль неформализуемых элементов теории, но и обозначено, что они не сводятся только к *знанию*, включая и компоненты, которые собственно знаниевыми, да и вообще когнитивными, назвать нельзя.

Здесь уместно напомнить, что все ключевые методологические установки, заложившие основания науки Нового Времени, – рационализм, прагматизм и др., как и любые *социальные установки*, имели не только когнитивный, но также эмоциональный и поведенческий компоненты [15]. Например, рационализм проистекал из стремления подчинить стихию чувств господству разума [4, 6], т. е. был не только системой идей, но и выражал определенные желания, представлял собой ступок коллективных эмоций. Длительное господство рационализма и эмпиризма в западной культуре было бы невозможным без соответствующей эмоциональной основы и закрепления в поведенческих образцах. То же самое можно сказать и о любой методологии, – например, о позитивизме, который как система исследовательских установок имеет не только когнитивную, но также эмоциональную и поведенческую составляющие, что делает отнюдь не абстрактными метафорами такие понятия, как “методологические эмоции” [16]. А поскольку в любой теории запечатлена соответствующая методология¹³, то ее не-когнитивные компоненты становятся и составными частями соответствующих концепций, в результате чего их неформальная часть формируется не только личностным знанием, но также эмоциями и образцами поведения, всегда имеющими личностную окраску.

В принципе это утверждение хотя и звучит несколько необычно, но выражает неэксплицированную очевидность и даже тривиальность для философской методологии науки, вытекающую из логики ее ключевых понятий. Так, любая психологическая теория задает определенную исследо-

¹¹ А их пропорция обычно оценивается в соотношении 1:10 [24].

¹² В этом любой психолог легко может убедиться на собственном опыте. Вместе с тем экспликацию различных пониманий одной и той же теории можно было бы сделать и предметом эмпирического изучения, заложив таким образом основания нового направления исследований – *эмпирической методологии науки*.

¹³ Это особенно заметно в случае психологических теорий, являющихся не просто теориями, разработанными на основе определенной методологии, а сплавом теории и методологии. И симптоматичны такие характеристики: “теории – это правила” [26], предписывающие, что и как делать исследователю, т. е. теории определяются через функции, свойственные методологии.

вательскую традицию, а та, в трактовке этого понятия Л. Лауданом и его последователями, явно не сводится только к ее когнитивному содержанию [29]. То же самое можно сказать о парадигмах и других “единицах” развития науки, теснейшим образом сопряженных с научными теориями. Все они являются органическим единством а) знания – явного и неявного; б) эмоционально закрепленных мотивов и намерений; в) поведенческих образцов, т. е. основных компонентов социальной установки.

И все же, при достаточной универсальности подобной структуры научных теорий, их эмоциональная составляющая наиболее выражена в гуманитарных науках. И дело даже не в тесной связи последних с идеологией, в результате которой в утверждениях теории подчас бывают запечатлены определенные идеологические стремления (пример марксизма слишком тривиален), а в том, что *в состав любой гуманитарной теории имплицитно входит некоторый эмоционально-личностный опыт ее автора*. Именно поэтому, как подчеркивает Дж. Ричардс, все психологические теории в значительной мере выражают личностно-психологические особенности их создателей [31], что продемонстрировано психобиографами на примере У. Джемса [22], Дж. Салливена [38], многих других основоположников этих теорий и, естественно, самого основателя психобиографического жанра – З. Фрейда (см. [7]). Психологические теории предстают как генерализованные на других людей экспликации внутреннего мира их авторов и их собственных психологических проблем. В частности, многочисленные психобиографии З. Фрейда и его личные признания демонстрируют, как остро он переживал, скажем, страх перед кастрацией или Эдипов комплекс, и не оставляют сомнений в том, что введение соответствующих понятий было проекцией его личных психологических трудностей. А соответствующие метафоры были почерпнуты им из той специфической культуры, в которой он сформировался. В общем вывод о том, что в состав психологических теорий входит не только личностное знание, но и личностные *переживания* автора, и именно из рефлексии над переживаниями эти теории зарождаются¹⁴,

¹⁴Отметим, что существуют попытки представить подобным образом и зарождение теорий в точных науках. Дж. Кристиансен, например, объяснил формирование понятия о всемирном тяготении психологической тягой И. Ньютона к своей матери, с которой тот был разлучен в раннем детстве [23]. Эта мысль не выглядит несуразной, если вдуматься в ее внутреннюю логику: а) Ньютон болезненно переживает разлуку с матерью, которую нежно любил; б) он бессознательно рефлексировал над источником своих переживаний, постепенно отливая его в понятие психологической тяги; в) данное понятие отрывается от своих исходных – психологических – корней, обобщается и расширяется на мир природы; г) оно переводится на уровень сознания и эксплицируется под влиянием внешнего толчка – яблока, вовремя упавшего на голову ученого.

должен звучать как вполне банальное обобщение опыта психологической науки (ее представители, все еще живущие позитивистскими мифами о ней, возможно, ужаснутся от такого обобщения, но это – уже *их* личные проблемы и переживания).

Понятие о неявной области научных теорий нуждается в расширении и в другую сторону: эта область не только, помимо личностного знания, включает личностные переживания и образцы поведения, но охватывает также знание, переживания и образцы поведения *надличностные*. Если в философской методологии науки неявное знание в основном ассоциируется с личностным, то в социологии науки – в работах Д. Блура, Б. Барнса, Д. Маккензи и др. – акцент делается на том, что научное знание, в том числе и естественнонаучное, “конструируется в стенах лабораторий”, являясь выражением исследовательских традиций, идей и смыслов, специфических для каждой научной группы (см. [10]). Это позволяет говорить о специфическом *групповом знании* [1], так же принципиально неформализуемом, как и личностное знание, но к последнему не сводимом. Групповое знание тоже входит в состав неформализуемой составляющей научной теории, а его удельный вес особенно велик в тех случаях, когда теория коллективно разрабатывается (что случается очень редко) или коллективно развивается (что бывает почти всегда). В результате формируются некие коллективные тезаурусы понимания теорий, ответственные, в частности, за то, что сторонники концепций всегда понимают их не так, как противники, или за то, что одна и та же теория понимается и развивается по-разному различными школами.

При этом также возникают соответствующие эмоции и формируются образцы поведения, которые, как исследовательские традиции, чаще носят не столько индивидуальный, сколько коллективный характер. Причем его имеют не только такие эмоции, как, скажем, эмоциональная привязанность к “своей” теории (похожая, как в описанном выше примере, на чувства к любимой девушке), героическая решимость защищать ее при любых обстоятельствах, своеобразная идентификация с нею [25], не слишком ласковые чувства к ее противникам, в общем-то внешние по отношению к самой теории, но ощущения и чувства, составляющие ее *внутреннюю ткань*. Так, один из аргументов когнитивистов в споре с бихевиористами состоял в том, что можно “физически ощущать” первичность установок по отношению к поведению, хотя в логике этого спора было неясно, что именно первично – само это “ощущение”, даже если оно действительно возникает, или желание подтвердить свою теорию путем вызывания у себя соответствующего ощущения (кстати, вторая возможность органичнее вписа-

Таблица. Структура психологических теорий

Компоненты	Области теории					
	Центральная	Периферическая			Неявная	
	Образ реальности	Теоретическая "периферия"	Вспомогательные утверждения		Личностный компонент	Личностное знание
	Центральная категория <td>Личностные эмоции</td>					Личностные эмоции
	Центральный феномен <td colspan="2">Система аргументации</td> <td>Личностные образцы поведения</td>		Система аргументации			Личностные образцы поведения
	Основные понятия	Эмпирия	“Своя”	Опорная	Надличностный компонент	Групповое знание
	“Сетка отношений”			Надстроечная		Коллективные эмоции
	Базовые утверждения		“Чужая”	Релевантная		Групповые образцы поведения
		Иррелевантная				

лась бы в логику когнитивизма, ибо означала бы первичность установки).

Таким образом, в неявной области психологических теорий можно уловить личностный и групповой компоненты, в свою очередь разделив каждый из них на когнитивную, эмоциональную и поведенческую части. Разумеется, и существование этой области, и ее ключевые компоненты не служат прерогативой гуманитарных наук. Многочисленные упоминания обо всем этом можно найти и в работах методологов науки, относящихся к естествознанию. Однако, во-первых, сама область неявного знания в гуманитарных теориях существенно шире, а во-вторых, удельный вес ее эмоционального компонента заметно больше, чем в естественнонаучных теориях. Именно данные обстоятельства делают теории в гуманитарных науках куда более аморфными, мало определенными и допускающими различные понимания.

Дабы структура психологических теорий, описанная в настоящей статье, тоже не предстала в аморфном и мало определенном виде, характерном для них самих, ее целесообразно отобразить в виде таблицы, которая, если и не устранил, то, по крайней мере, сведет к минимуму индивидуальные и групповые вариации ее понимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. Учебное пособие для вузов. М., 1998.
- Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 1997.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1982. Т. 1.
- Гайденок П.П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.) М., 1987.
- Значение идей А.Н. Леонтьева для развития марксистской социальной психологии. М., 1983.
- Косарева Л.М. Социокультурный генезис науки Нового Времени. М., 1989.
- Мошкова Г.Ю., Юревич А.В. Психобиография – новое направление в изучении науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 3. С. 67–75.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
- Полани М. Личностное знание. М., 1985.
- Современная западная социология науки. М., 1988.
- Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.
- Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
- Юревич А.В. Критический анализ американских социально-психологических концепций "справедливого обмена" // Вопросы психологии, 1981. № 5. С. 158–166.
- Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5.
- Юревич А.В. Психологические основания науки Нового Времени // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 2. С. 3–19.
- Юревич А.В. Психология и методология // Психол. журн. 2000. № 5. С. 35–47.
- Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1974.
- Agnew N.M., Pyke S.W. The science game. N. J., 1969.
- Attribution: Perceiving the causes of behavior. Morristown, 1972.
- Baumrind D. Research using intentional deception: Ethical issues revisited // American psychologist. 1985. V. 40. № 2. P. 165–179.
- Bem D. Self-perception theory // Advances in experimental social psychology. N. Y., 1965. V. 2. P. 112–165.
- Bjork D. The compromised scientist: William James in the development of American psychology. N. Y., 1983.

23. *Christiansen G.E.* In the presence of the Creator: Isaak Newton and his times. N. Y., 1984.
24. *De May M.* The cognitive paradigm. Chicago, 1992.
25. *Eiduson B.T.* Scientists, their psychological world. N.Y., 1962.
26. *Franklin C.W.* Theoretical perspectives in social psychology. Boston, 1982.
27. *Geroch R.* General relativity from A to B. Chicago, 1978.
28. *Lakatos I.* Falsification and the methodology of scientific research programmes // Criticism and the growth of knowledge. № 4. 1970.
29. *Laudan L.* Progress and its problems. Toward a theory of scientific growth. Berkley, 1977.
30. *Perry H.S.* Psychiatrist of America. Massachusetts, 1982.
31. *Richards G.* Of what is history of psychology a history // British j. for the history of science. 1987. V. 20. № 65. P. 201–211.

STRUCTURE OF PSYCHOLOGICAL THEORIES

A. V. Yurevich

Dr. sci. (psychology), director of the Center of science studies, Institute of history of natural sciences and techniques, RAS

An attempt is made to describe standard structure of psychological theories. Three basic elements of this structure are elicited – center, periphery and implicit area. The central component is formed of general distinctive image of psychological reality, central category, corresponded phenomena, set of main concepts and relations between them (“net of relations”) and basic propositions. The peripheral area of a theory is divided into theoretical part properly that consists of accessory propositions and system of their argumentation and empirical part that is formed from confirmative empirical and workaday experience. The implicit area includes unformalized personal and group knowledge, personal and group emotions as well as the standards of conduct.

Key words: structure, theories, center, periphery, implicit area, personal and group knowledge, “one’s own” and “alien” empirism.

ХРОНИКА

На заседании Диссертационного совета Д 002.016.02 при Институте психологии РАН состоялась защита диссертации на соискание ученой степени канд. психол. наук по специальности 19.00.15 – общая психология, история психологии, психология личности *Дозорцевой Анной Владимировной* “Развитие когнитивных способностей и моторных исполнителей действий в раннем онтогенезе” (научный руководитель – доктор психол. наук, проф. *Е.А. Сергиенко*).

Впервые проведено детальное сравнение когнитивных способностей при решении поисковых задач и моторных возможностей у младенцев 7–18 месяцев. Представлены результаты экспериментального исследования у них соотношения восприятия, ментальной репрезентации и исполнительных действий. Сравняется выполнение детьми задач трех типов. Первый – когнитивные задачи на поиск объекта (*Ж. Пиаже*), предполагающие наличие репрезентации о спрятанном объекте и исполнительные мануальные действия. Второй – перцептивно-моторные задачи (*А. Даймонд*), связанные с разной степенью организации

мануальных действий по доставанию видимого предмета. Третий предполагал наличие когнитивной репрезентации спрятанного объекта, но не требовал мануального поиска. Результаты показали, что младенцы наиболее успешны в решении только тех задач, которые не требуют мануального исполнения.

Исполнительные мануальные действия отстают от возможностей репрезентации спрятанного объекта, так как опираются на широкий контекст готовности ребенка (удержание баланса позы, становление взаимодополняющих движений рук, тонкой моторики руки, адаптация руки к размеру объекта). Гетерохронность развития восприятия объекта и возможностей моторного обеспечения исполнительных действий ставит под сомнение ведущую роль практических действий в формировании представлений об объекте. Данные исследований показали, что мануальные исполнительные действия не могут служить надежным свидетельством представлений младенцев о спрятанном объекте, как это полагал *Ж. Пиаже*.